

УДК 140.8

«Критика языка» К. Крауса как одна из предпосылок модернистского проекта тотальной реформы языка

М. С. Котыня, аспирант*

В статье анализируется творчество австрийского мыслителя Карла Крауса в контексте интеллектуальной атмосферы Вены рубежа 19–20 вв. На примере анализа «критики языка» Крауса зафиксирован ряд особенностей, характеризующих австрийскую философию языка в целом, выявлена связь между творчеством К. Крауса и идеями Л. Витгенштейна – одного из основоположников аналитической философии.

K. Kraus's «Critique of Language» as a Basis for the Modernistic Project of Total Language Reform

M. Katynia, Postgraduate Student

The author examines the works of Karl Kraus in the context of Viennese intellectual fin-de-siecle. The analysis of Kraus's «critique of language» helps to discover a number of features characteristic for Austrian philosophy of language. The links between the ideas of K. Kraus and L. Wittgenstein are revealed in the article.

Анализируя модернистские проекты реформы языка и творчество Людвиг Витгенштейна в частности, многие исследователи в первую очередь обращаются к интеллектуальной атмосфере Вены на рубеже 19–20 вв., подчеркивая ее значимость для выявления предпосылок становления философских взглядов этого мыслителя.

Так, К. Шорске, А. Яник, С. Тулмин и К. Нири – специалисты в области эпохи модерна, на формирование взглядов которых оказала большое влияние философия Витгенштейна, считают необходимым выявить связь философии раннего Витгенштейна с духовной деятельностью ряда других представителей австрийской культуры. Чаще всего при этом речь заходит о творчестве Карла Крауса.

В данной статье предпринята попытка проанализировать некоторые особенности духовного наследия К. Крауса – одного из основателей философско-литературного направления «критики языка»; мыслителя, творчество которого мало исследовано в отечественной историко-философской и культурологической традиции, особенно в контексте модернистских языковых проектов. Следует отметить, что даже те авторы, которые обращаются к анализу его работ, в первую очередь акцентируют внимание на Краусе как журналисте, критике и поэте, не выявляя философскую составляющую его творчества. Учитывая тот факт, что одной из базовых установок философии модерна является реформирование языка философской классики, а также повышен-

ный интерес к лингвистической проблематике в целом, анализ в рамках данной статьи идей Крауса позволит выявить специфику австрийской философии языка в целом.

Вена конца 19 – начала 20 вв. становится центром европейской культуры модерна, одной из главных интенций которой является разработка и создание нового языка. Для венской интеллектуальной элиты данной эпохи был принципиально важен вопрос о причинах глубокого морального и культурного кризиса, который нашел свое выражение, в том числе, и в сфере языка. В качестве своего рода внешней причины такого интереса можно было бы назвать очень специфическую ситуацию по отношению к языку, сложившуюся в Австро-Венгерской империи, которая не могла не затронуть и интеллектуалов. Речь идет об отсутствии здесь единого языка коммуникации; как правило, в Вене мыслили и говорили одновременно на нескольких языках – немецком, чешском, венгерском и иврите. Это оказало влияние и на формирование определенного круга философских проблем, где тема языка становится доминирующей. Амбивалентная лингвистическая ситуация во многом способствовала разработке проектов по очищению естественного языка в философии и литературе (Краус, Витгенштейн), созданию нового языка в музыке (Шёнберг и Венская школа) и, косвенно, к идее отказа от украшения, излишнего декора в архитектуре и дизайне (А. Лоос). Если рассматривать эти явления в их

* Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Г. Румянцева.

совокупности, то все они могут быть поняты как части модернистского проекта тотальной языковой реформы. Именно такую точку зрения, с которой нельзя не согласиться, высказывают исследователь культурной жизни Вены рубежа веков К. Шорске (1980) и авторы фундаментального труда «Вена Витгенштейна» (1973) А. Яник и С. Тулмин.

Именно в Вене зарождается пристальный интерес к языку, рассматриваемому сквозь призму философии. Неслучайно у некоторых исследователей можно встретить хотя и радикальный, но, при пристальном анализе, вполне разумный тезис о том, что вся лингвистическая философия обязана своим рождением культуре Вены рубежа веков [1, с. 24–25; 2]. Так, упоминая имена философов, физиков и математиков, идеи которых оказали значительное влияние на формирование его философского мировоззрения, Витгенштейн называет и имя К. Крауса – основателя одного из направлений философско-лингвистического учения «критики языка»¹. Именно идеи «критики языка» легли затем в основу «Логико-философского Трактата» Витгенштейна, который так и напишет: «Вся философия – это критика языка», [3, с. 19]. Таким образом, Краус – этот крупнейший венский публицист и литератор начала 20 века, почти не известный в отечественной философско-культурологической традиции, представляется нам той фигурой, которая так или иначе объединяет всех представителей венского модернизма.

Краус обращает внимание на лингвистическую проблематику в своем журнале «Die Fackel» (*Факел*), который он превратил в одно из первых периодических изданий в области литературной, культурной, политической и социальной критики. Если в первое десятилетие существования журнала Краус еще приглашал других авторов публиковать в нем свои работы, то с декабря 1911 г. единственным сотрудником и одновременно издателем «Факела» остается только он сам. «Факел» стал для него своего рода платформой для критики языка, которую он осуществлял на протяжении всей своей жизни. «Антигазета» Крауса была инструментом разоблачения любого разложения, где бы Краус его ни нашел. Мыслитель впервые связал кризисные явления в современном ему языке с распадом ценностей тогдашнего общества. Осуществляемая Краусом в многочисленных статьях «Факела» критика языка (под рубрикой «Обучение языку») станет для него, по сути, критикой морали, с которой язык, как он полагал, связан непосредственным

образом. Более того, Краус относил понятие языка, наряду с понятиями морали, религии, природы к категориям «первоисточника» мироздания (термин «Ursprung», что и означает «первоисточник», примерно в это же время появляется у представителей марбургской школы неокантианства). Языку, по мнению Крауса, присуща «врожденная правда», поэтому он и является «последним гарантом» сохранения всех, в том числе и неязыковых, ценностей. Именно через слово осуществляется связь с понятиями в их первоначальном значении. При этом орфография и грамматика понимаются Краусом не просто как система правил, но и как своего рода этический императив.

По словам ряда исследователей, для Карла Крауса Вена была «хорошей площадкой для разрушения мира; самой сложной, но самой совершенной школой». В любом случае, Краус был более проныцателен в выявлении и критике декадентских тенденций, связанных с кризисом европейского сознания, действовавших тогда в культуре Вены, чем хорошо известные Шницлер или Музиль. В отличие от них Краус не удовлетворялся поставленным диагнозом и верил в то, что «только общая хирургия может спасти общество» [4, с. 67]. Он заострял свое внимание на литературе, театре и музыке, резко критиковал вкусы буржуазии, которые, как он считал, отражали двойственность существовавшей в тогдашнем обществе морали. Обращение к литературе и музыке было способом выявления кризиса морального сознания. Краус обладал экстраординарным сатирическим талантом, проявившимся прежде всего в его безупречном владении языком полемики, а также в том, что многие из его работ очень трудно, если вообще возможно, перевести на другие языки². Он искусно манипулировал словами немецкого языка, дискредитируя своих многочисленных оппонентов. Так стиль письма Крауса и само построение предложений повторяли, утрируя и высмеивая, ошибки в их аргументации. Он писал: «Языком других я управляю. Но мой язык делает со мной все, что хочет» [5, с. 67]. Редко можно наблюдать такое совпадение жизненных умонастроений автора с основным содержанием его работ. Краус жил только за счет своих произведений и выстраивал свою жизнь исключительно вокруг работы.

Главное философское понятие, которое разрабатывает Краус – понятие «первоисточника», носит в

¹ В «критике языка» выделяются 3 основных течения, создателями которых были Фриц Маутнер (впервые использовал это понятие), Краус и Витгенштейн (Яник, Тулмин).

² На русский язык переведены только отрывочные афоризмы, поэтому цитаты приводятся по Интернет-ресурсу <http://www.theabsolute.net/minefield/kraus.html> и главе из книги Janik A., Toulmin S. Wittgenstein's Vienna с многочисленными цитатами. (*Перевод мой – К. М.*).

то же время «практический» характер. Полемика и сатира превращались в его работах в оружие, которое он направлял против всего поверхностного и антигуманного в человеческом поведении и мысли, возвращаясь, таким образом, к «первоисточнику» всех ценностей и достигая регенерации культуры как целого. С одной стороны, Краус видел в языке средство манипуляции человеком, его суждениями и мировоззрением (именно на этой основе и развертывается его критика журналистики). Но с другой – он считал, что возможен «чистый» язык, отражающий мировые связи, представляющий собой своего рода «зеркало» мира, которое выявляет и элиминирует ложь, будучи правильно используемым. На обладание именно таким языком и претендовал Краус. Однако вряд ли в его текстах можно найти объяснение конечной цели всей его деятельности и уж тем более разработанную «концепцию» этой деятельности. Скорее, его работы *являют* собой критику языка, а последняя и предстает как такого рода деятельность.

Язык в своем историческом состоянии, по мнению Крауса, деградировал, превратившись лишь в средство передачи сообщений (хотя по своей природе он является отражением реальности, т. е. обладает большими возможностями). Критика языка Крауса здесь проявляется в форме критики прессы: средства массовой информации, в первую очередь пресса, встали между человеком и словом и, оперируя словами как товаром, взяли на себя функции религии и литературы, формируя, таким образом, сознание человека. В то время как средства прямой коммуникации, то есть пресса, а также чрезмерно эстетизированная литература, дискредитировали слово в качестве носителя этического смысла, сатира стала, по мнению Крауса, единственным возможным методом «показа» реальности. Она могла донести до читателя «некоммуникативную» по своей природе «внутреннюю» правду, которая являлась достоянием мира души и мира убеждений личности творца. Сатирический образ, как его строил Краус, помогал прорваться к первоначальному смыслу слов, высвобождая суть слова от «орнаментальных» наслоений времени – знаков лжи и обмана.

Так критика языка становится у Крауса одновременно и критикой морали, пытается пробудить воспоминания о первоначальном смысле слов, наполненных этическим содержанием. «Сатира, таким образом, давала человеку нравственные ориентиры и выполняла отчасти религиозные функции» [6, с. 107].

Пресса была главным объектом нападок Крауса. Главное его недовольство заключалось в том, что пресса, как он считал, брала на себя несвойственную ей роль, далекую от ее главной функции –

объективного освещения новостей. «Антигазета» Крауса, его журнал «Факел» ставил своей целью «борьбу с прессой, подрыв общественного доверия к ней и уменьшение ущерба, который приносит пресса». [7, с. 43] «Die Neue Freie Presse» (*Новая свободная пресса*) – главная венская газета, в которой мечтал публиковаться каждый журналист – была особым объектом гнева австрийского мыслителя. Это было связано с тем, что высокие стандарты журналистики здесь сводились порой лишь к точке зрения и самопрезентации автора, которая могла быть какой угодно, но только не объективной. Яник и Тулмин отмечают, что «страх официальной цензуры сделал эту газету скрытым выразителем режима, и ее элегантные статьи всегда склонялись к индустриальным интересам» [4, с. 83]. Краусовское сатирическое изменение названия газеты в «Neue feile Presse» (*Новая пресститутция*) подчеркивает ее коррумпированность. Однако, несмотря на то, что Краус высмеивал политиков, его критика общества «никогда не была исключительно политической» [4, с. 79]. Сфера политики связана, как он считал, только с поверхностными проблемами, в то время как корни современного кризиса лежат в духовном нездоровье общества.

Негодование Крауса по поводу современной ему журналистики достигало вершины тогда, когда новости подавались исключительно сквозь призму классовых интересов. «Лицемерие прессы было обусловлено жадностью, она продавала себя интересам индустрии, искажая факты за деньги» [5, с. 129]. Но ситуация, по мнению Крауса, была еще более сложной. Обращая внимание на сторону прессы, посвященную искусству и культуре, т. е. фельетон, Краус констатирует его наибольшую ангажированность, что является, по его мнению, наиболее оскорбительным. Фельетон (эссе о культуре) был во многом главным разделом всей газеты. Анализируя этот феномен, Шорске пишет, что «фельетон – субъективный ответ на объективное положение дел, в котором ситуация описывается с помощью всех языковых оттенков, которыми владеет автор. Объективные факты здесь подаются сквозь призму эмоций автора» [5, с. 80].

Для венской буржуазии, с ее страстью к искусству, фельетон являлся высшей формой журналистики. Однако Краус считал, что фельетон разрушает и объективность ситуации, и творческую фантазию автора; «подавая новости как факты, автор переставал использовать слова, которые шли бы из глубины его личности, поскольку фельетон требовал отклика на готовую, заранее заданную ситуацию» [5, с. 81]. В результате креативность эссеиста сводится к уровню манипулирования словами, и это препятствует читателю составить рациональное мнение о происшед-

шем. Фельетон был идеальным жанром для тех, кто придерживался принципа «искусство ради искусства», превосходства формы над содержанием. Неудивительно поэтому, что Краус нападает на каждого, имеющего отношение к фельетону, – писателей, издателей и читающую публику. Он писал, что их «совместный эгоистичный заговор – это высшая манифестация двойственности, характеризующей буржуазное общество» [4, с. 78].

Фельетон только подчеркивает свою культурную значимость, которой он обладал в венском *fin-de-siecle*, в обществе, где эстетика декаданса была правилом, а не исключением, где художник отчужден не *от* чего-либо, а отчужден *вместе* с людьми, воспринимающими и оценивающими его творчество. Таким был взгляд Крауса на искусство и общество, к которому и сам он принадлежал. Группа *Jung Wien*, с которой он начинал свою творческую деятельность, была, по его мнению, главным представителем извращенного взгляда на мир, который характеризовал столицу Империи Габсбургов. По словам Шорске, «и как для предшествующего поколения поклонников экономического позитивизма известное «бизнес есть бизнес» было девизом и кредо, а классические экономические законы рынка – метафизикой, так для поколения эстетов, которые были литературными позитивистами, девизом выступала сентенция «искусство ради искусства», а техническое совершенство формы считалось вершиной литературы» [5, с. 94]. Концепция художника как совершенного стилиста была в точности противоположной краусовской, и «Факел» редко упускал возможность высмеять творцов таких «произведений искусства». Кроме того, поскольку Краус рассматривал искусство как сферу, непосредственно связанную с моралью, он считал, что критиковать (и анализировать) произведение искусства – значит определить, было оно подлинным выражением интенций автора или нет. И «если в произведении искусства оставалось пространство для чувственности или угождения толпе, это было предательством самой природы искусства» [7, с. 45]. Поэтому полемика Крауса всегда развивалась по двум направлениям: выявление моральных недостатков в характере писателя, и выявление соответствующих эстетических недостатков в его работах – Краус был уверен, что эти сферы не могут быть рассмотрены порознь.

В книге «Вена Витгенштейна» Яник и Тулмин высказывают мысль о том, что все интеллектуалы и художники – от Шёнберга, Лооса до Витгенштейна – были непосредственно связаны между собой общей идеей критики языка и общества, и были продолжателями критики, осуществленной ранее Краусом.

Анализ «критики языка» К. Крауса позволяет пролить свет на ряд предпосылок возникновения «Логико-философского Трактата» Л. Витгенштейна, который, несомненно, испытал непосредственное воздействие со стороны идей своего предшественника, также связывая язык с этикой. Как справедливо отмечает Т. Федяева, которая исследует идеи Крауса и Витгенштейна, между языком и реальностью, языком и этикой существуют прямые взаимосвязи и «язык, выстроенный логически правильно, может быть проводником истины» [6, с. 108]. Как и Краус, Витгенштейн исключает язык в его повседневном употреблении из сферы продуктивного анализа; он считает, что, будучи нелогичным, язык не может адекватно отражать действительность. Идеальная, логически выверенная модель языка у Витгенштейна во многом соответствовала краусовским представлениям о нем как «первоисточнике».

Однако, в отличие от Крауса, Витгенштейн отказывает языку в способности выражать этические и религиозные истины и переживания. Предложения, по Витгенштейну, могут описывать лишь факты, но не в состоянии отражать этические смыслы. Этика – это форма жизни, а не система нормативных предложений о ней, она может быть «показана» на примере морального поведения. И главным образцом единства этики и эстетики было для Витгенштейна творчество Крауса, в первую очередь его теория сатиры как непосредственного воплощения критики языка, вошедшей в ткань каждого его произведения, литературного образа. Идеальный язык Витгенштейна зеркально отображает структуру мира, в то время как моральное поведение «показывает» этику. Витгенштейновская теория «показа», таким образом, может тоже быть рассмотрена как получившая развитие под влиянием идей Крауса. Но, кроме того, литературный образ, выстроенный Краусом как образ слова, попавшего в контекст этического вакуума, существенно повлиял не только на теорию «показа», но явился также литературным источником его концепции «молчания»: сферу этического нужно оберегать от слова, сообщения, рационализации.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности духовного наследия Крауса, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, язык рассматривается онтологически как одна из важных категорий бытия (понятие «первоисточника» в терминологии Крауса), т. е. он непосредственно связывается с бытием и рассматривается как автономная реальность, а не результат конвенции. Создавая «правильный» язык, человек может таким образом приблизиться к пониманию мира.

Во-вторых, отличительной особенностью австрийской мысли явилась критика существующего языка как сущности, искажающей и затемняющей реальность. Так, Краус в своих работах обращается к критике языка посредством критики журналистики как такой области, в которой эта затемняющая сущность языка проявляется наиболее зримо.

И, наконец, этика и этическое понимаются здесь не как система выраженных в языке правил и норм, а как деятельность. Это позволяет сделать вывод о близости его идей с идеями Витгенштейна и даже об определенном влиянии идей Крауса на формирование и становление ранних взглядов последнего. («Этика не поддается высказыванию. Этика трансцендентальна... Должно существовать некоего рода этическое вознаграждение и этическое наказание, но они должны заключаться в *самом поступке*» (*курсив мой* – М.К.) [3, с. 70–71].

Список цитированных источников

1. Маллиган, К. Точность и болтовня. Глоссы к парадигматическим противопоставлениям в австрийской философии / К. Маллиган // Логос. – 2002. – № 1.
2. Нири, К. Философская мысль Австро-Венгрии / К. Нири. – М., 1987.
3. Витгенштейн, Л. Логико-философский Трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы. Ч. I. – М., 1994.
4. Janik, A. Wittgenstein's Vienna / A. Janik, S. Toulmin. – N. Y., 1973.
5. Schorske, C. Fin-de-siecle Vienna: politics and culture / C. Schorske. – N. Y., 1980.
6. Федяева, Т. А. Людвиг Витгенштейн и Карл Краус / Т. А. Федяева // Вопр. философии. – 1998. – № 5.
7. Краус, К. Другая половина истины. Афоризмы и размышления / К. Краус // Всемирная литература. – 2000. – № 1.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.03.2007 г.